

Аркадий Гайдар

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Иллюстрации Ирины Кондрашовой

Аркадий Петрович Гайдар

Тимур и его команда

Серия «Волшебный книжный шкаф»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67592499

*Тимур и его команда / Аркадий Петрович Гайдар ; илл. Ирины
Кондрашовой: Издательский Дом Мецеракова; Москва; 2022*

ISBN 978-5-00108-936-0

Аннотация

Заскрипел штурвал на чердаке сарая. Вздрогнули и задёргались прикреплённые к нему провода: три – стоп, три – стоп. Загremели в домах подмосковного посёлка сигнальные звонки, трещотки и жестянки. Десятки ребят бегут к старому сараю – есть сигнал, значит, есть для них срочное задание. Старушке воды из колодца принести, дрова в поленницу сложить, хулиганов проучить... И никто из взрослых не должен знать, что им тайно помогает Тимур и его команда.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Аркадий Гайдар

Тимур и его команда

Иллюстрации Ирины Кондрашовой

Читайте в серии «Волшебный книжный шкаф»

- В. Ю. Драгунский «Денискины рассказы»
- Э. Т. А. Гофман «Щелкунчик и Мышиный Король»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

© И. А. Кондрашова, иллюстрации, 2022

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2022

Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона ¹ полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче.

Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щётки, насупившаяся Женя стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

– Я поехала с вещами, а ты приберёшь квартиру. Мо-

¹ Бронедивизион – несколько броневых поездов (бронепоездов) – бронированных железнодорожных составов с артиллерийскими орудиями.

жешь бровями не дёргать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

– И я твоя тоже.

– Да... но я старше... и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женя вздохнула и оглянулась.

Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше и пока её нужно слушаться. Но зато у неё, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она ту же перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдёрнула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щётку, поволокла к порогу груды мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус ².

Пол был залит водой.

В бельевом цинковом корыте шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивлённо поглядывали на босоную девчонку в красном сарафане, которая, стоя на под-

² Примус – прибор, работающий на керосине или бензине, использовался как кухонная плита.

оконнике третьего этажа, смело протирала стёкла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. Поставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетёном кресле. На коленях у неё лежал рыжий котёнок и тербил лапами букет васильков.

У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам ещё незрелые яблоки, кричали вдогонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный посёлок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей.

Шофёр с помощником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга открыла застеклённую террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный сарай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подскочила бойкая старая женщина – это была соседка, молочница. Она вызвалась прибрать дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки, Ольга взяла котёнка и прошла в сад.

На стволах обклёванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие верёвочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину.

Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шёпот. И вдруг, ломая сухие ветви, тяжёлая лестница – та, что была приставлена к окну чердака сарая, – с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Верёвочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котёнок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни в чёрном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

– Это ребяташки по чужим садам озоруют, – объяснила Ольге молочница. – Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошёл... хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную армию служить проводила. И как пошёл, вина не пил. «Прощай, – говорит, – мама». И пошёл и зашвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому... А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни – вот я и готова. Однако Бог миловал – ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла – дубовая, вдвоём не

своротишь, – так её шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и всё. А что был за народ, что за люди – дело тёмное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон – подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно

услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас ещё увидеть,
Ах, если б только... раз
И два... и три...
А вы и не поймёте
На быстром самолёте,
Как вас ожидала я до утренней зари.
Да!
Лётчики-пилоты! Бомбы-пулемёты!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернётесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.

Ещё в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие настороженные взгляды в сторону тёмного куста, который рос во дворе у забора. Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

– Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

– Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

– Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

– Я?.. Через забор?.. – обиделся человек. – Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

– Понятно! – усмехнулась Ольга. – Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через неё обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он прошёл через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

– Погодите! – спускаясь со ступени, остановила его она. – Вы кто? Артист?

– Нет, – ответил человек. – Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

– Послушайте, – неожиданно просто предложила ему Ольга. – Проводите меня до вокзала. Я жду младшую сестрёнку. Уже темно, поздно, а её всё нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я ещё не знаю здешних улиц. Однако стойте, зачем же вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на тёмную, пахнувшую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец

прошёл и третий, последний.

– С этой негодной девчонкой хлебнёшь горя! – огорчённо воскликнула Ольга. – Ну, если бы ещё мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне – восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

– Сорок не надо! – решительно отказался Георгий. – Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

– Молодой человек, – зажигая спичку и озаряя лицо старшего, сказал Георгий. – Прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выламывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли?

Мальчишка засопел, попятился, а Георгий потушил спичку, взял Ольгу за локоть и повёл её к дому.

Когда они отошли, то второй мальчишка сунул замусоленную папиросу за ухо и небрежно спросил:

– Это ещё что за пропагандист выискался? Здешний?

– Здешний, – нехотя ответил Квакин. – Это Тимки Гареева дядя. Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело.

Тут оба приятеля заметили под фонарём в конце платформы седого почтенного джентльмена, который, опираясь на

палку, спускался по лесенке.

Это был местный житель, доктор Ф. Г. Колокольчиков. Они помчались за ним вдогонку, громко спрашивая, нет ли у него спичек. Но их вид и голоса никак не понравились этому джентльмену, потому что, обернувшись, он погрозил им суковатой палкой и степенно пошёл своей дорогой.

С московского вокзала Женя не успела послать телеграмму отцу, и поэтому, сойдя с дачного поезда, она решила разыскать поселковую почту.

Проходя через старый парк и собирая колокольчики, она незаметно вышла на перекрёсток двух огороженных садами улиц, пустынный вид которых ясно показывал, что попала она совсем не туда, куда ей было надо.

Невдалеке она увидела маленькую проворную девчонку, которая с ругательствами волокла за рога упрямую козу.

– Скажи, дорогая, пожалуйста, – закричала ей Женя, – как мне пройти отсюда на почту?

Но тут коза рванулась, крутанула рогами и галопом понеслась по парку, а девчонка с воплем помчалась за ней следом. Женя огляделась: уже смеркалось, а людей вокруг видно не было. Она открыла калитку чьей-то серой двухэтажной дачи и по тропинке прошла к крыльцу.

– Скажите, пожалуйста, – не открывая дверь, громко, но очень вежливо спросила Женя, – как бы мне отсюда пройти на почту?

Ей не ответили. Она постояла, подумала, открыла дверь и через коридор прошла в комнату. Хозяев дома не было. Тогда, смутившись, она повернулась, чтобы выйти, но тут из-под стола бесшумно выползла большая светло-рыжая собака. Она внимательно оглядела оторопевшую девчонку и, тихо зарывчав, легла поперёк пути у двери.

– Ты, глупая! – испуганно растопыривая пальцы, закричала Женя. – Я не вор! Я у вас ничего не взяла. Это вот ключ от нашей квартиры. Это телеграмма папе. Мой папа – командир. Тебе понятно?

Собака молчала и не шевелилась. А Женя, потихоньку подвигаясь к распахнутому окну, продолжала:

– Ну вот! Ты лежишь? И лежи... Очень хорошая собачка... такая с виду умная, симпатичная.

Но едва Женя дотронулась рукой до подоконника, как симпатичная собака с грозным рычанием вскочила, и, в страхе прыгнув на диван, Женя поджала ноги.

– Очень странно, – чуть не плача, заговорила она. – Ты лови разбойников и шпионов, а я... человек. Да! – Она показала собаке язык. – Дура!

Женя положила ключ и телеграмму на край стола. Надо было дожидаться хозяев.

Но прошёл час, другой... Уже стемнело... Через открытое окно доносились далёкие гудки паровозов, лай собак и удары волейбольного мяча. Где-то играли на гитаре. И только

здесь, около серой дачи, всё было глухо и тихо.

Положив голову на жёсткий валик дивана, Женя тихонько заплакала.

Наконец она крепко уснула.

Она проснулась только утром.

За окном шумела пышная, омытая дождём листва. Неподальёку скрипело колодезное колесо. Где-то пилили дрова, но здесь, на даче, было по-прежнему тихо.

Под головой у Жени лежала теперь мягкая кожаная подушка, а ноги её были накрыты лёгкой простынёй. Собаки на полу не было.

Значит, сюда ночью кто-то приходил!

Женя вскочила, откинула волосы, одёрнула помятый сафранчик, взяла со стола ключ, неотправленную телеграмму и хотела бежать.

И тут на столе она увидела лист бумаги, на котором крупно синим карандашом было написано:

«Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь».

Ниже стояла подпись: «Тимур».

«Тимур? Кто такой Тимур? Надо бы повидать и поблагодарить этого человека».

Она заглянула в соседнюю комнату. Здесь стоял письменный стол, на нём чернильный прибор, пепельница, небольшое зеркало. Справа, возле кожаных автомобильных краг³, лежал старый, ободранный револьвер. Тут же у стола в об-

³ Краги – перчатки с длинными отворотами.

лупленных и исцарапанных ножнах стояла кривая турецкая сабля. Женя положила ключ и телеграмму, потрогала саблю, вынула её из ножен, подняла клинок над своей головой и посмотрелась в зеркало.

Вид получился суровый, грозный. Хорошо бы так сняться и потом притащить в школу карточку! Можно было бы со- врать, что когда-то отец брал её с собой на фронт. В левую руку можно взять револьвер. Вот так. Это будет ещё лучше. Она до отказа стянула брови, сжала губы и, целясь в зеркало, направила кулак.

Грохот ударил по комнате. Дым заволок окна. Упало на пепельницу настольное зеркало. И, оставив на столе и ключ и телеграмму, оглушённая Женя вылетела из комнаты и помчалась прочь от этого странного и опасного дома.

Каким-то путём она очутилась на берегу речки. Теперь у неё не было ни ключа от московской квартиры, ни квитанции на телеграмму, ни самой телеграммы. И теперь Ольге надо было рассказывать всё: и про собаку, и про ночёвку в пустой даче, и про турецкую саблю, и, наконец, про выстрел. Скверно! Был бы папа, он бы понял. Ольга не поймёт. Ольга рассердится или, чего доброго, заплачет. А это ещё хуже. Плакать Женя и сама умела. Но при виде Ольгиных слёз ей всегда хотелось забраться на телеграфный столб, на высокое дерево или на трубу крыши.

Для храбрости Женя выкупалась и тихонько пошла отыскивать свою дачу.

Когда она поднималась по крылечку, Ольга стояла на кухне и разводила примус. Заслышав шаги, Ольга обернулась и

молча враждебно уставилась на Женю.

– Оля, здравствуй! – останавливаясь на верхней ступеньке и пытаясь улыбнуться, сказала Женя. – Оля, ты ругаться не будешь?

– Буду! – не сводя глаз с сестры, ответила Ольга.

– Ну, ругайся, – покорно согласилась Женя. – Такой, знаешь ли, странный случай, такое необычайное приключение! Оля, я тебя прошу, ты бровями не дёргай, ничего страшного, я просто ключ от квартиры потеряла, телеграмму папе не отправила...

Женя зажмурила глаза и перевела дух, собираясь выпалить всё разом. Но тут калитка перед домом с треском распахнулась. Во двор заскочила, вся в репьях, лохматая коза и, низко опустив рога, помчалась в глубь сада. А за нею с воплем пронеслась уже знакомая Жене босоногая девчонка.

Воспользовавшись таким случаем, Женя прервала опасный разговор и кинулась в сад выгонять козу. Она нагнала девчонку, когда та, тяжело дыша, держала козу за рога.

– Девочка, ты ничего не потеряла? – быстро сквозь зубы спросила у Жени девчонка, не переставая колошматить козу пинками.

– Нет, – не поняла Женя.

– А это чьё? Не твоё? – И девчонка показала ей ключ от московской квартиры.

– Моё, – шёпотом ответила Женя, робко оглядываясь в сторону террасы.

– Возьми ключ, записку и квитанцию, а телеграмма уже отправлена, – всё так же быстро и сквозь зубы пробормотала девчонка.

И, сунув Жене в руку бумажный свёрток, она ударила козу кулаком.

Коза поскакала к калитке, а босоногая девчонка прямо через колючки, через крапиву, как тень, понеслась следом. И разом за калиткою они исчезли.

Сжав плечи, как будто бы поколотили её, а не козу, Женя раскрыла свёрток:

«Это ключ. Это телеграфная квитанция. Значит, кто-то телеграмму отцу отправил. Но кто? Ага, вот записка! Что же это такое?»

В этой записке крупно синим карандашом было написано: «Девочка, никого дома не бойся. Всё в порядке, и никто

от меня ничего не узнает». А ниже стояла подпись: «Тимур».

Как заворожённая, тихо сунула Женя записку в карман. Потом выпрямила плечи и уже спокойно пошла к Ольге.

Ольга стояла всё там же, возле неразожжённого примуса, и на глазах её уже выступили слёзы.

– Оля! – горестно воскликнула тогда Женя. – Я пошутила. Ну за что ты на меня сердиться? Я прибрала всю квартиру, я протёрла окна, я старалась, я все тряпки, все полы вымыла. Вот тебе ключ, вот квитанция от папиной телеграммы. И дай лучше я тебя поцелую. Знаешь, как я тебя люблю! Хочешь, я для тебя в крапиву с крыши спрыгну?

И, не дожидаясь, пока Ольга что-либо ответит, Женя бросилась к ней на шею.

– Да... но я беспокоилась, – с отчаянием заговорила Ольга. – И вечно нелепые у тебя шутки... А мне папа велел... Женя, оставь! Женька, у меня руки в керосине! Женька, налей лучше молоко и поставь кастрюлю на примус!

– Я... без шуток не могу, – бормотала Женя в то время, когда Ольга стояла возле умывальника.

Она бухнула кастрюлю с молоком на примус, потрогала лежавшую в кармане записку и спросила:

– Оля, Бог есть?

– Нету, – ответила Ольга и подставила голову под умывальник.

– А кто есть?

– Отстань! – с досадой ответила Ольга. – Никого нет!

Женя помолчала и опять спросила:

– Оля, а кто такой Тимур?

– Это не Бог, это один царь такой, – намыливая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга, – злой, хромой, из средней истории.

– А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?

– Тогда не знаю. Отстань! И на что это тебе Тимур дался?

– А на то, что, мне кажется, я очень люблю этого человека.

– Кого? – И Ольга недоуменно подняла покрытое мыльной пеной лицо. – Что ты всё там бормочешь, выдумываешь, не даёшь спокойно умыться! Вот погоди, придет папа, и он в твоей любви разберётся.

– Что ж папа! – скорбно, с пафосом воскликнула Женя. – Если он и придет, то так ненадолго. И он, конечно, не будет обижать одинокого и беззащитного человека.

– Это ты-то одинокая и беззащитная? – недоверчиво спросила Ольга. – Ох, Женька, не знаю я, что ты за человек и в кого только ты уродилась!

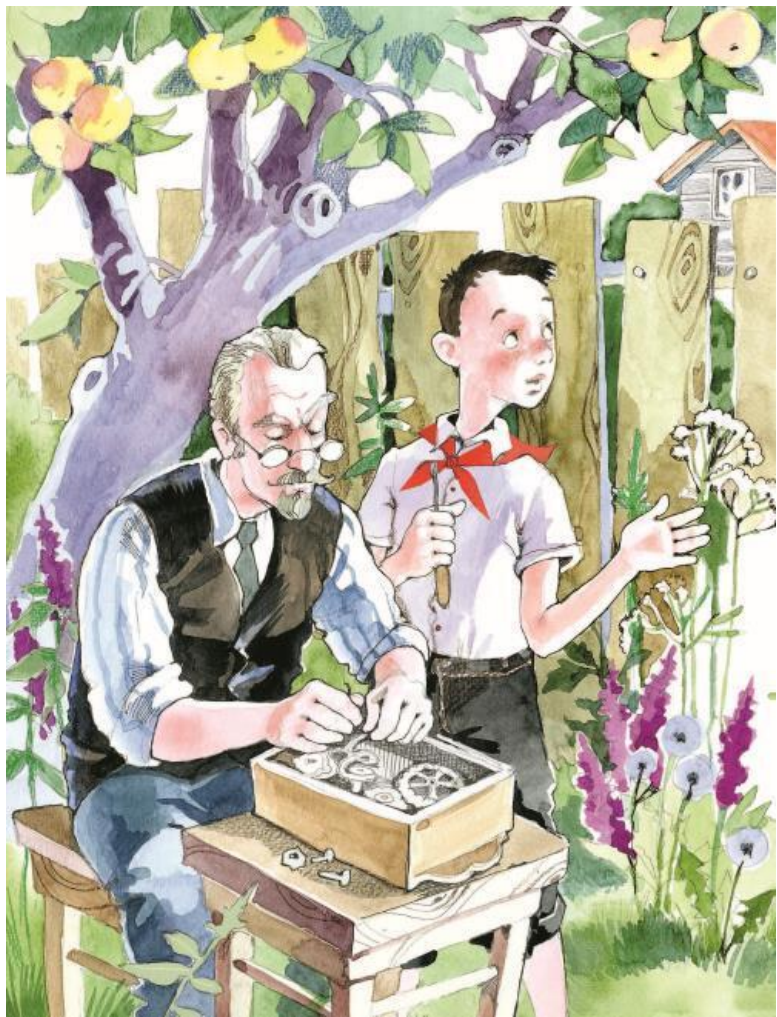
Тогда Женя опустила голову и, разглядывая своё лицо, отражавшееся в цилиндре никелированного чайника, гордо и не раздумывая ответила:

– В папу. Только. В него. Одного. И больше ни в кого на свете.

Пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков, сидел в своём саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час, как он держал в руке отвёртку, дожидаясь, пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую нужно было вогнать на своё место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора вот уже несколько раз высывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и сведущего. И этот Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьяна, которая, сидя под липою, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дёрнула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на своё место.

– Человек должен трудиться, – поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнёс седой джентльмен Ф. Г. Колокольчиков. – У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой⁴. Подай отвёртку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился.

– Она врёт, бессовестная! – бросая на Татьянку сердитый взгляд, воскликнул оскорблённый Коля. – Три раза я давал ей откусить по два раза. Она же пошла на меня жаловаться да ещё по дороге стянула с маминого стола четыре копейки.

– А ты ночью по верёвке из окна лазил, – не поворачивая головы, хладнокровно лягнула Татьянка. – У тебя под подушкой есть фонарь. А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем. Кинет да посвистит, кинет да ещё свистнет.

Дух захватило у Коли Колокольчикова при этих наглых словах бессовестной Татьянки. Дрожь пронизала тело от головы до пяток. Но, к счастью, занятый работой дедушка на такую опасную клевету внимания не обратил или просто её не расслышал. Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

⁴ Касторка – касторовое масло, обладает неприятным запахом, но широко использовалось как лекарство от самых разных болезней.

– А у меня, батюшка Фёдор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают.

– То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? – начал было спрашивать удивлённый джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвёртка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьяна, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чём дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри которого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стальной рельсы. Здесь-то он и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

– Слушай... Я не пойму. Это что?.. Тревога?

– Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся широкоплечий, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Ещё и ещё кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу корот-

ко переговариваясь:

– Это тревога?

– Да нет! Это форма номер один позывной общий.

– Какой позывной? Это не «три – стоп», «три – стоп». Это какой-то болван кладёт колесом десять ударов кряду.

– А вот посмотрим!

– Ага, проверим!

– Вперёд! Молнией!

А в это время в комнате той самой дачи, где ночевала Женья, стоял высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати. На нём были лёгкие чёрные брюки и тёмно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой.

К нему подошёл седой лохматый старик. Холщовая рубашка его была бедна. Широченные штаны – в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристёгнута грубая деревяшка. В одной руке он держал записку, другой сжимал старый, ободранный револьвер.

– «Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь», – насмешливо прочёл старик. – Итак, может быть, ты мне всё-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?

– Одна знакомая девочка, – неохотно ответил мальчуган. – Её без меня задержала собака.

– Вот и врешь! – рассердился старик. – Если бы она была тебе знакомая, то здесь, в записке, ты назвал бы её по имени.

– Когда я писал, то я не знал. А теперь я её знаю.

– Не знал. И ты оставил её утром одну... в квартире? Ты, друг мой, болен, и тебя надо отправить в сумасшедший. Эта дрянь разбила зеркало, расколотила пепельницу. Ну хорошо, что револьвер был заряжен холостыми. А если бы в нём были патроны боевые?

– Но, дядя... боевых патронов у тебя не бывает, потому что у врагов твоих ружья и сабли... просто деревянные.

Похоже было на то, что старик улыбнулся. Однако, тряхнув лохматой головой, он строго сказал:

– Ты смотри! Я всё замечаю. Дела у тебя, как я вижу, тёмные, и как бы за них я не отправил тебя назад, к матери.

Пристукивая деревяшкой, старик пошёл вверх по лестнице. Когда он скрылся, мальчуган подпрыгнул, схватил за лапы вбежавшую в комнату собаку и поцеловал её в морду.

– Ага, Рита! Мы с тобой попались. Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет.

И точно. Сверху из комнаты слышалось откашливание.
Потом этакое тра-ля-ля!.. И наконец низкий баритон запел:

Я третью ночь не сплю,
мне чудится всё то же
Движеньё тайное в угрюмой
тишине...

– Стой, сумасшедшая собака! – крикнул Тимур. – Что ты мне рвёшь штаны и куда ты меня тянешь?

Вдруг он с шумом захлопнул дверь, которая вела наверх, к дяде, и через коридор вслед за собакой выскочил на веранду.

В углу веранды возле небольшого телефона дёргался, прыгал и колотился о стену подвязанный к верёвке бронзовый колокольчик.

Мальчуган зажал его в руке, замотал бечёвку на гвоздь. Теперь вздрагивающая бечёвка ослабла – должно быть, где-то лопнула. Тогда, удивлённый и рассерженный, он схватил трубку телефона.

Часом раньше, чем всё это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики. Вошла Женя и достала пузырёк с йодом.

– Женя, – недовольно спросила Ольга, – откуда у тебя на плече царапина?

– А я шла, – беспечно ответила Женя, – а там стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

– Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? – передразнила её Ольга.

– Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий и острый. Вот, посмотри, срежешься!.. Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, – заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало. – Ну, погляди: ка-

кой из тебя инженер? Инженер должен быть – вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные гримасы.) А у тебя – вот... вот... и вот... – Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень неясно улыбнулась.

– Глупая! – обнимая её, целуя и легонько отталкивая, сказала Ольга. – Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя взяла с тарелки яблоко, отошла в угол, постояла у окна, потом расстегнула футляр аккордеона и заговорила:

– Знаешь, Оля! Подходит ко мне сегодня какой-то дяденька. Так с виду ничего себе – блондин, в белом костюме, и спрашивает: «Девочка, тебя как зовут?» Я говорю: «Женя...»

– Женя, не мешай и инструмент не трогай, – не оборачиваясь и не отрываясь от книги, сказала Ольга.

– «А твою сестру, – доставая аккордеон, продолжала Женя, – кажется, зовут Ольгой?»

– Женька, не мешай и инструмент не трогай! – невольно прислушиваясь, повторила Ольга.

– «Очень, – говорит он, – твоя сестра хорошо играет. Она не хочет ли учиться в консерватории?» (Женя достала аккордеон и перекинула ремень через плечо.) «Нет, – говорю я ему, – она уже учится по железобетонной специальности». А он тогда говорит: «А-а!» (Тут Женя нажала один клавиш.) А я ему говорю: «Бэ-э!» (Тут Женя нажала другой клавиш.)

– Негодная девчонка! Положи инструмент на место! –

вскакивая, крикнула Ольга. – Кто тебе разрешает вступать в разговоры с какими-то дяденьками?

– Ну и положу, – обиделась Женя. – Я и не вступала. Это вступил он. Хотела я тебе рассказать дальше, а теперь не буду. Вот погоди, приедет папа, он тебе покажет!

– Мне? Это тебе покажет. Ты мешаешь мне заниматься.

– Нет, тебе! – хватая пустое ведро, уже с крыльца откликнулась Женя. – Я ему расскажу, как ты меня по сто раз в день то за керосином, то за мылом, то за водой гоняешь! Я тебе не грузовик, не конь и не трактор.

Она принесла воды, поставила ведро на лавку, но, так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за тёмным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женья обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие верёвочные провода. Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещённых сигнальных флага и карта посёлка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик. Возле дырявой замшевой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его верёвками, фонарями и флагами – большим кораблём. Она же сама будет капитаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.